

наиболее часто изготовляли оружие во времена принципата». Помимо значения «знак подразделения», «штандарт», термин *signum* обозначает также сигнал, подаваемый голосом, трубой или знаменем. Термином *vexillarii*, кроме знаменосцев, назывались также ветераны, выделенные в особый отряд.

Что касается пробелов в словаре, то сразу бросается в глаза отсутствие наименований некоторых легионов (*Apollinaris*, *Macedonica*, *Minervia*, *Parthica*, *Traiana*, *Primigenia* и других). Немало пробелов в лексике как общего, так и специально технического, юридического и жаргонного характера²⁹. Приведем самый минимальный алфавитный список этих слов и выражений, оставив их – в целях экономии места – без перевода:

Assecula, *baro*, *bra(c)chium*, *bucellarius*, *bucinator*, *cacula*, *campidoctor*, *campigenus*, *campus*, *cantabrum*, *carmina triumphalia*, *cibus militaris*, *cippus*, *collega*, *collegia*, *commilitium*, *concaedes*, *contio*, *contiro*, *contumacia*, *conturmalis*, *conveteranus*, *corniculum*, *cornu*, *delictum militis*, *dux*, *emansor*, *exercitator*, *focaria*, *glans*, *gradus deiectionis*, *hortatio*, *ius iurandum*, *ius militandi in legione*, *ius militare*, *laudatio*, *litterae commendaticiae*, *manipularius*, *manipulum*, *manus*, *murus*, *numerus*, *ordo*, *paganus*, *praepositus*, *praeses*, *primipilaris*, *remansor*, *scutatus*, *seditio*, *suffragium*, *suggestus*, *taberna*, *tentorium*, *tirocinium*, *tubicen*, *tutela signorum*, *vagina*, *vir militaris*, *zonula*.

Несмотря на отмеченные недостатки, словарь, несомненно, будет полезен при чтении латинских источников по военной истории. Прделанную автором работу можно расценивать как первый, пробный шаг в сложном деле создания настоящего тематического словаря, потребность в котором давно назрела. Если же подвести общий итог всего вышесказанного, то и книгу в целом следует рассматривать как предварительный подступ к серьезной разработке большой и важной темы. Совокупность сделанных замечаний показывает, что не все удалось автору и текст книги местами несет отпечаток некоторой поспешности. Но это не умаляет бесспорных достоинств работы: широты рассмотренной проблематики, доходчивости изложения, а главное, насыщенности интересным фактическим материалом, малоизвестным не только массовому читателю, но и специалистам-антиковедам.

А.В. Махлаюк

© 2001 г.

G. BARONE-ADESI. *Ricerche sui corpora normativi dell'impero romano*. V. 1. *I corpora degli iura tardoimperiali*. Torino, 1998. 117 с.

Рецензируемую монографию итальянского романиста Джорджо Бароне-Адези, посвященную иерархии источников права в постклассическую эпоху, можно назвать не только своеобразным манифестом, содержащим программные положения дальнейшей работы автора в области постклассического римского права, но и документом, заключающим в себе выработанную исследователем в результате долгих раздумий концепцию судьбы римского права в постклассический период его развития. Идею продолжения истории римского права в Византийской империи и, далее, в памятниках церковного права, можно назвать центральной в концепции всей работы. Бароне-Адези является сторонником теории континуитета и поддерживает теорию «Москва – третий Рим» (а Константинополь соответственно – Рим второй), но в сфере права. Во введении к работе он провозглашает идею «римского права в византийскую эпоху», отмечая, что «в теории и практике право, принятое в Константинополе, продолжает оставаться римским». Поэтому автор ставит вопрос о целесообразности изучения как в России, так и в других странах, развивавшихся под влиянием византийской *παίδεια*, курсов римского права как истории *Ῥωμαϊκὸν δίκαιον* с VIII в. до Р.Х. до XV в. от Р.Х. (с. XI). Но поскольку рецензируемая монография представляет собой только первую часть задуманного автором масштабного труда, идея «правового континуитета» остается на уровне декларации, что не исключает, разумеется, возможности ее воплощения в последующих работах Бароне-Адези.

²⁹ См. *Mosci Sassi M.G.* II «sermo castrensis». Bologna, 1983.

Если «путеводной звездой» автору послужила теория континуитета, то в данной монографии, которая должна стать первой в серии исследований, посвященных нормативным сводам римской империи, рассматриваются так называемые постклассические сборники *iura*. Первая глава работы «Западная традиция» (с. 1–43) посвящена проблемам источников права в постклассический период в рамках «западной» правовой традиции. Автор анализирует многие устоявшиеся в историографии концепции в контексте подробного исследования неоднократно изучавшихся источников: речь здесь идет в первую очередь о фрагментах императорских постановлений 1-го титула I книги Кодекса Феодосия. Бароне-Адези пересматривает довольно устоявшуюся концепцию *iura* и *leges* как источников права в постклассический период, где под *iura* понимают сочинения классических юристов, а под *leges* – императорские постановления. В источниках, с точки зрения автора, под *iura* подразумеваются как суждения классических юристов, так и императорские постановления (с. 3). Следует отметить, что данная точка зрения не может совершить революционный переворот в сфере изучения источников римского права, поскольку подобная интерпретация термина *iura* была предложена уже Годме¹, но не получила достаточно широкого распространения в научной среде, что и отмечает автор монографии (с. 3, прим. 5). Принципиальное значение получает не дихотомия *iura et leges*, а *ius vetus* и *ius novum*, когда единственным источником *ius novum* становятся императорские постановления, а *ius vetus* включает в себя как сочинения классических юристов, так и императорские постановления вплоть до конституций Константина. В задачи центральной власти входит установление критериев *iura generalia* (т.е. норм, действующих на всей территории империи) как в отношении императорских постановлений, так и в отношении сочинений юристов. Кроме того, император должен гарантировать подлинность сочинений юристов. Именно в данном контексте трактует автор знаменитый «закон о цитировании» (CTh. I. 4. 3). С точки зрения Бароне-Адези, данное постановление не следует воспринимать как свидетельство о низкой правовой культуре составителей конституции или о попытке ограничить самостоятельность судей, а нужно рассматривать как намерение установить критерии подлинности и обязательности норм, содержащихся в сочинениях классических юристов.

Во второй главе «Восточная традиция» (с. 45–77) разбираются вопросы, связанные с кодификацией, предпринятой Феодосием II. Цель подобной кодификации автор рассматривает в контексте предложенной им интерпретации закона Валентиниана III о цитировании²: обеспечить *auctoritas iuris* посредством составления Кодекса, который должен был гарантировать подлинность *iura generalia*, источником которых послужили как императорские постановления, так и сочинения юристов. Исследователь отмечает при этом принципиальную разницу позиций составителей «закона о цитировании» 426 г. и константинопольских компиляторов: тогда как в Равенне была поставлена задача быстро обеспечить текстуальную и юридическую действительность *iura*, на которые можно было ссылаться в суде, в Константинополе был задуман обширный проект, требующий большого количества времени для изучения всех действующих юридических норм. Данный план Бароне-Адези предлагает рассматривать в контексте нового статуса, приобретенного Константинополем в эпоху Феодосия: законодатель утверждает «римский» статус города Константина (с. 46). Кроме того, отмечает исследователь, нельзя забывать и о символическом значении программы составления Кодекса, в который должны были быть включены постановления императоров, начиная с первого императора-христианина Константина Великого. Разделение императорских постановлений по религиозному признаку – на постановления, принятые до Константина и уже Константином, в эпоху христианских императоров – должно было быть адекватно воспринято, по мнению исследователя, в среде юристов, которые

¹ Gaudemet J. «Ius» et «leges» // *Iura*. 1950. I. P. 223–252.

² Авторство «закона о цитировании» неоднократно вызывало споры среди исследователей постклассического периода развития римского права. Высказывалось мнение, согласно которому Валентиниан III, который в 426 г. был еще маленьким ребенком, не мог принять это постановление, и поэтому автором постановления должен быть назван Феодосий II. Однако еще Э. Вольтерра высказывался против подобных представлений, указывая, что в Кодексе Феодосия фрагмент этого постановления приведен с совершенно недвусмысленным указанием на место публикации: постановление было выпущено в Равенне, где в это время и находился Валентиниан (*Volterra E. Sulla Legge delle Citazioni* // *MAL*. 1983. 380. Serie VIII. V. XXVII. Fasc. 4. P. 185–267). Вопрос о непосредственном авторстве Валентиниана было бы ставить некорректно, поскольку автором постановления была равеннская канцелярия; речь идет о том, следует ли считать это постановление «восточным» или «западным». Бароне-Адези отвечает на этот вопрос однозначно: несомненно «западное».

признавали существование различий между *ius vetus* (юридические нормы, принятые до Константина) и *ius novum* (юридические нормы, принятые в эпоху Константина).

Автор подробно рассматривает первую и вторую программы составления Кодекса Феодосия, воспроизведенные в C.Th. I. 1. 5. и I. 1. 6, а также первую новеллу Феодосия (Nov. Th. 1). Следует отметить, что данные источники были весьма подробно изучены в историографии, прежде всего итальянской, в последние тридцать лет, поэтому автор посвящает небольшой раздел изложению основных точек зрения исследователей по данному вопросу (с. 67–74)³. Бароне-Адези вносит определенный вклад в существующую традицию изучения вышеуказанных источников. С его точки зрения, Кодекс был создан в соответствии с насущной потребностью обеспечения со стороны императорской власти текстуальной и юридической подлинности императорских постановлений и сочинений юристов.

Весьма интересным представляется замечание автора о том, что Кодекс Феодосия, хоть и был составлен в рамках традиционной системы расположения рубрик, но может рассматриваться как свод, «переходный» от юридического сочинения к законодательному кодексу⁴ (с. 77). Любопытно и то, что исследователь не берется каким-либо образом интерпретировать отказ составителей Кодекса Феодосия от осуществления первой программы и переход к реализации второй программы 438 г. Автор ссылается при этом на отсутствие источников, в которых бы содержалась какая-либо информация о работе первой комиссии составителей Кодекса или о трудностях, с которыми столкнулась эта комиссия в ходе своих изысканий (с. 54).

Наконец, третья и последняя глава этой небольшой монографии «Императорское законодательство в церковной традиции» (с. 79–108) рассматривает проблему передачи в церковных сводах отдельных императорских конституций. Именно в контексте проблемы обеспечения подлинности императорских постановлений следует рассматривать, с точки зрения автора, стремление составителей церковных сводов сохранить оригинальные тексты императорских постановлений, в силу которых церковь наделялась различными привилегиями.

Подводя итоги (с. 107–108), Бароне-Адези отмечает, что решение вопроса обеспечения текстуальной и юридической подлинности источников *ius vetus*, т.е. сочинений юристов и постановлений, принятых императорами до Константина, было найдено в «канонизации» семи указанных в C.Th. I. 4. 3 юридических сводов⁵ и в требовании «сопоставлять» с ними юридические своды, не канонизированные императорской властью. Что касается *ius novum*, то благодаря созданию Кодекса Феодосия появился свод, опирающийся на авторитет императора, и этот свод обеспечил существование подлинных текстов императорских постановлений общего действия.

Работа Джорджо Бароне-Адези несомненно является большим вкладом в дело изучения источников права постклассической эпохи. Приходится только сожалеть, что автор остается фактически в рамках традиции итальянской историографии: например, такой известный исследователь юридических источников постклассической эпохи, как Б. Сиркс, даже не упомянут в монографии, в то время как голландский романист также подробно рассматривал вопросы, связанные с проблемой обеспечения текстуальной подлинности *leges povae* как с основной целью создания Кодекса Феодосия⁶.

Е.В. Сильвестрова

³ В числе цитируемых автором назовем следующие работы: *Archi G.G. Teodosio II e la sua codificazione. Napoli, 1976; idem. Le codificazioni postclassiche // La certezza del diritto nell'esperienza giuridica romana. Padova, 1987. P. 149–168; De Marini Avonzo F. Codice teodosiano e Concilio di Efeso // AARC. 1983. 5. P. 105–122; Bianchini M. Rileggendo C.Th. 1. 1. 5 // Contributti di Storia antica in onore di Albino Garzetti. Genova, 1976. P. 223–239; Sargenti M. Il codice teodosiano: tra mito e realtà // SDHI. 1995. 61. P. 373–398.*

⁴ Автор подразумевает под этим переходом те отличия в системе Кодекса Феодосия, которые могут быть выявлены в нем по сравнению с теми же Грегориановым и Гермогениановым Кодексами: хотя за основу принята система Вечного Эдикта, появляются значительные отступления от последней, а именно: обширные «приложения», заключающие в себе разделы, посвященные нормам публичного права, тогда как в только что упомянутых Кодексах в строгом соответствии с системой Эдикта были расположены императорские постановления по вопросам права частного, по аналогии с традицией написания классического юридического сочинения.

⁵ Сочинения Гая, Павла, Папиниана, Модестина и Ульпина, а также Грегорианов и Гермогенианов Кодексы.

⁶ *Sirks B. The Sources of the Code // The Theodosian Code / Ed. J. Harries and I. Wood. L., 1993. P. 45–67.*